

**Управление систематизации законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение правовых позиций и практики
международных договорных органов¹, действующих в
сфере защиты прав и свобод человека, по делам об
административных правонарушениях
(процессуальные аспекты)²**

2020 г.

¹ Включая Европейский Суд по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд).

² Перечень упомянутых в *Обобщении* правовых позиций международных договорных органов, а равно постановлений Европейского Суда по правам человека не носит исчерпывающего характера.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу: URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека, если иное не следует из контекста излагаемого материала, получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

Упомянутые в *Обобщении* постановления Европейского Суда по правам человека размещены на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»).

Для сведения: в Верховном Суде Российской Федерации были также подготовлены отдельные Обобщения по вопросам, возникающим при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях:

Обобщения практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения по состоянию на 15 октября 2017 года и по состоянию на 1 августа 2018 года

(URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26323/ и http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27085/ соответственно);

Обобщение правовых позиций Европейского Суда по правам человека и международных внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросу обеспечения права лица, подлежащего административному выдворению (депортации, реадмиссии), на надлежащие условия содержания в местах лишения свободы (URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26899/).

Содержание

- 1. Соблюдение права на справедливое судебное разбирательство в процедуре производства по делу об административном правонарушении 4**
- 2. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на публичное судебное разбирательство..... 7**
- 3. Обеспечение принципа равенства (сопоставительности) сторон при рассмотрении дела об административном правонарушении..... 9**
- 4. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на личное участие в судебном разбирательстве..... 13**
- 5. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, защищать себя лично 18**
- 6. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него 21**

Европейский Суд по правам человека по жалобам, поданным в отношении Российской Федерации, устанавливал нарушение статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция) ввиду несоблюдения судами процессуальных прав лиц, привлекаемых к ответственности по делам об административных правонарушениях.

По мнению Европейского Суда по правам человека, равно как и Комитета ООН по правам человека, понятие «*уголовное обвинение*», содержащееся в пункте 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года³ (в пункте 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года⁴) и при рассмотрении которого должно обеспечиваться справедливое судебное разбирательство, будучи автономным, охватывает не только собственно уголовные дела, но и дела об административных правонарушениях.

Принимая во внимание изложенную выше позицию международных договорных органов об автономном понимании «*уголовного обвинения*», упоминаемые в тексте *Обобщения* термины «*обвиняемый*», «*уголовное правонарушение*», «*преступление*», «*приговор*», а также иные понятия, имманентные сфере уголовного права и уголовного судопроизводства, в рамках *Обобщения* подлежат *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений) интерпретации применительно к *сфере производства по делам об административных правонарушениях*.

³ Далее - Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция.

⁴ Далее – Международный пакт о гражданских и политических правах, Пакт.

1. Соблюдение права на справедливое судебное разбирательство в процедуре производства по делу об административном правонарушении

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека

[О]трасль, определенная в российской и других подобных правовых системах как «административная», охватывает ряд правонарушений, которые имеют уголовно-правовой подтекст, но являются слишком мелкими для регулирования уголовным законом и процедурой (пункт 54 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 года по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации»).

Несмотря на мнение, что за уголовным судопроизводством, которое связано с распределением уголовной ответственности и наложением штрафной и предотвращающей санкции, закреплена определенная тяжесть преступлений, очевидно следующее – *существуют уголовные дела, не предусматривающие значительной степени осуждения... [А]втономное толкование понятия «уголовное обвинение», принятое Судом, обосновывает постепенное распространение уголовной части на дела, которые не относятся строго к традиционным категориям уголовного права, к примеру, административные наказания, ... дисциплинарное производство [в местах лишения свободы], таможенное право, конкурсное право и наказания, наложенные судом, который обладает юрисдикцией в финансовых [спорах] (пункт 89 постановления от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против Российской Федерации»).*

Последовательная прецедентная практика Европейского Суда установила три критерия⁵, которые должны применяться при определении того, имело ли место «уголовное обвинение»:

- *первый критерий* – правовая квалификация нарушения с точки зрения национального законодательства;
- *второй* – сама природа правонарушения;
- *третий* – степень суровости наказания, которому рисковало подвергнуться заинтересованное лицо. Второй и третий критерии являются альтернативными и не обязательно применяются кумулятивно. Однако это не исключает кумулятивного подхода, если обособленный анализ каждого критерия не позволяет достичь ясного заключения относительно существования уголовного обвинения (пункт 53 постановления Большой

⁵ Известные как «критерии Энгеля».

Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 года по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации»).

Исключив некоторые правонарушения из категории уголовных..., законодатель получает возможность действовать в интересах отдельного лица, а также в целях надлежащего отправления правосудия, поскольку в таком случае судебные органы избавляются от необходимости преследовать и наказывать за многочисленные, но незначительные нарушения закона, например, нарушения правил дорожного движения.... Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] не препятствует «декриминализации, которая осуществляется в разнообразных формах в государствах-участниках Совета Европы... Однако в том случае, если Договаривающиеся стороны могут по собственному усмотрению исключить действие основополагающих положений статей 6 и 7 Конвенции путем отнесения... преступления к категории «правонарушения», это может привести к результатам, не сопоставимым с целями и задачами Конвенции (пункт 53 постановления от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против Российской Федерации»).

[Е]сли в обществе, которое руководствуется принципом верховенства права, заявителю может быть назначено или фактически было назначено наказание в виде лишения свободы, то предъявленные заявителю обвинения могут быть отнесены к «уголовным», за исключением случаев, когда наказание в виде лишения свободы, его характер, продолжительность и способ исполнения не могут считаться «причиняющими значительный ущерб» (пункт 72 постановления от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против Российской Федерации»).

По общему правилу, Суд придает особое значение любой форме лишения свободы при определении наличия «уголовно-правовой сферы» (пункт 66 постановления от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против Российской Федерации»).

Право на справедливое судебное разбирательство согласно пункту 1 статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] является неограниченным правом. Однако то, что представляет собой справедливый суд, не может быть определено одним неизменным правилом, а должно зависеть от обстоятельств каждого конкретного дела... Что касается соблюдения статьи 6 Конвенции, то основная проблема заключается в оценке общей справедливости.... судопроизводства (пункт 86 постановления от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против Российской Федерации»).

Соблюдение требований справедливого судебного разбирательства должно быть рассмотрено в каждом случае с учетом развития соответствующих судебных разбирательств в целом, а не на основании изолированного рассмотрения одного аспекта или одного инцидента, хотя нельзя исключать, что определенный фактор может быть достаточно решающим, чтобы позволить оценить справедливость суда на более раннем этапе судебных разбирательств. При оценке общей справедливости судебных разбирательств Суд принимает во внимание – в зависимости от обстоятельств минимальные права, перечисленные в пункте 3 статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], которые иллюстрируют требования к справедливому суду в отношении типичных процессуальных ситуаций, возникающих в уголовных делах... Следовательно, они могут рассматриваться в качестве определенных аспектов концепции справедливого суда... Тем не менее указанные минимальные права сами по себе не являются целями: их подлинная цель всегда заключается в обеспечении справедливости... судопроизводства в целом (пункт 87 постановления от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против Российской Федерации»).

Общие требования к справедливости, приведенные в статье 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], применяются ко всему... судопроизводству, независимо от [вида] правонарушения.... [П]ри определении того, являлись ли судебные разбирательства в целом справедливыми, может быть принята во внимание [общественная] значимость... в отношении расследования и наказания[e] рассматриваемого правонарушения (пункт 88 постановления от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против Российской Федерации»).

Правовые позиции Комитета ООН по правам человека⁶

Право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, гарантируется, согласно второму предложению пункта 1 статьи 14 [Международного пакта о гражданских и политических правах], при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого лицам, или при определении их прав и обязанностей в каком-либо

⁶ Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

гражданском процессе. В принципе уголовные обвинения предъявляются в случае деяний, признанных наказуемыми по внутреннему уголовному праву. *Это понятие может также распространяться на деяния, являющиеся уголовными по своему характеру, предполагающие санкции, которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учетом их цели, характера или строгости* (пункт 15 Замечания общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. Принято Комитетом по правам человека на его 90-й сессии (9–27 июля 2007 года). ССРР/С/ГС/32).

2. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на публичное судебное разбирательство

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека

[П]убличный характер разбирательства является фундаментальным принципом, закрепленным в пункте 1 статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]... Право... на публичное [разбирательство] является не только дополнительной гарантией того, что будут предприниматься усилия для установления истины, но также помогает гарантировать, чтобы обвиняемый смог убедиться – его дело разрешается судом, чью независимость и беспристрастность он может проверить. *Публичный характер разбирательства в судебных органах защищает его участников от закрытого отправления правосудия, неподконтрольного общественности*; он также является одним из методов поддержания доверия к судам... *Гласность, являющаяся следствием прозрачности отправления правосудия, способствует достижению цели пункта 1 статьи 6, а именно – справедливого судебного разбирательства* (пункт 105 постановления от 30 мая 2013 года по делу «Малофеева против Российской Федерации»).

Европейский Суд полагает, что право на публичное разбирательство было бы иллюзорным, если бы правовая система Договаривающегося государства позволяла бы проводить судебные заседания, являющиеся публичными по своему формату, но которые в тоже время являются недоступными для общественности, в том числе из-за времени и места судебного заседания (пункт 108 постановления от 30 мая 2013 года по делу «Малофеева против Российской Федерации»).

[С]амо по себе отсутствие возможных слушателей, желающих принять участие в судебном заседании, не свидетельствует о наличии у них

реальной возможности для его посещения (пункт 37 постановления от 21 ноября 2017 года по делу «Ламбин против Российской Федерации»).

Правовые позиции Комитета ООН по правам человека

Все судебные разбирательства... в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики. Публичность слушаний обеспечивает транспарентность судопроизводства и тем самым служит важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом. *Суды обязаны предоставлять информацию относительно времени и места проведения устных слушаний для сведения общественности и обеспечивать надлежащие возможности для присутствия заинтересованных представителей публики в разумных пределах с учетом, в частности, потенциальной заинтересованности в исходе дела и продолжительности устных слушаний.* Требование об открытости слушаний для публики необязательно применяется ко всем апелляционным производствам, которые могут проводиться на основе письменных представлений или же к досудебным решениям, принимаемым обвинителями или другими государственными органами власти (пункт 28 Замечания общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. Принято Комитетом по правам человека на его 90-й сессии (9–27 июля 2007 года). ССРР/С/ГС/32).

Комитет ссылается на свое [3]замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, в котором он заявил, что *все судебные разбирательства... в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики*, за исключением случаев, когда суд постановляет не допускать всю публику или часть ее по соображениям морали, общественного порядка (*ordre public*) или государственной безопасности, или если этого требуют интересы защиты частной жизни сторон. *Даже в тех случаях, когда публика лишена доступа на судебное разбирательство, судебное постановление, включая основные выводы, доказательства и правовую аргументацию, должно быть предано гласности* (пункт 9.2 Соображений Комитета по правам человека от 31 марта 2016 года по делу «Ю.М. против Российской Федерации»)⁷.

⁷ Комитет посчитал, что государство-участник не обосновало лишение публики доступа на все судебные разбирательства по делу автора ни по одной из причин, изложенных в пункте 1 статьи 14 Пакта.

3. Обеспечение принципа равенства (сопоставительности) сторон при рассмотрении дела об административном правонарушении

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека

[Т]ребования пункта 3 статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] следует рассматривать как отдельные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного пунктом 1 статьи 6... В соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 6 Конвенции, каждый... имеет право быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения... Подпункт «b» пункта 3 статьи 6 гарантирует обвиняемому «достаточное время и возможности для подготовки своей защиты» и поэтому предполагает, что основная деятельность стороны защиты заключается в принятии всех «необходимых» мер для подготовки к основному судебному заседанию. *Обвиняемый должен иметь возможность организовать свою защиту надлежащим образом и без ограничений на возможность предоставления на рассмотрение суда первой инстанции всех соответствующих аргументов стороны защиты, и, таким образом, повлиять на исход судебного разбирательства.* Кроме того, возможности, которыми должен пользоваться каждый обвиняемый, включают возможность ознакомиться с результатами расследований, проводившихся на протяжении всего разбирательства, для целей подготовки своей защиты... Вопрос о достаточности времени и возможностях, предоставляемых обвиняемому, должен оцениваться в свете обстоятельств каждого конкретного дела (пункт 112 постановления от 30 мая 2013 года по делу «Малюфеева против Российской Федерации»).

[К]огда речь идет о государственной безопасности, использование конфиденциальных материалов неизбежно. Тем не менее это не означает, что органы государственной власти могут быть освобождены от эффективного контроля со стороны внутригосударственных судов в каждом случае, когда они (власти) утверждают, что дело касается государственной безопасности и терроризма. *Можно применить процедуры, которые совмещают обеспечение законных требований безопасности применительно к характеру и источнику разведанных и предоставление лицу в то же время существенных гарантий справедливости во время процесса* (пункт 62 постановления от 6 декабря 2007 года по делу «Лю и Лю против Российской Федерации»).

Пункт 1 статьи 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] требует, чтобы органы прокуратуры предъявляли защите все имеющиеся у них вещественные доказательства в пользу или против

обвиняемого... Право на раскрытие соответствующих доказательств не является абсолютным. В любых производствах... могут иметь место конкурирующие интересы, такие как интересы государственной безопасности или необходимость защиты свидетелей от риска ответных мер или сохранения секретности методов расследования преступлений полицией, которые должны быть взвешены с учетом прав обвиняемых. В отдельных случаях может быть необходимо не раскрывать *некоторые* доказательства перед защитой в целях защиты основных прав другого лица или для защиты публичных интересов. *Однако на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции разрешены лишь строго необходимые меры, ограничивающие права защиты.* Более того, для обеспечения справедливого разбирательства по делу обвиняемого любые трудности, с которыми столкнется защита в связи с ограничением ее прав, должны быть эффективно уравновешены процедурами, которых будут придерживаться органы судебной власти... Нераскрытие стороне защиты вещественных доказательств, содержащих такие данные, *которые* могут позволить обвиняемому реабилитировать себя или добиться смягчения приговора, составило бы отказ от средств, необходимых для подготовки защиты, и, таким образом, нарушение права, гарантированного подпунктом «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции (пункт 58 постановления от 12 февраля 2019 года по делу «Белан и Свидерская против Российской Федерации»).

Суд постановил, что в споре об основных фактах, определяющих обвинения, в случае, когда единственными свидетелями стороны обвинения являлись полицейские, которые играли активную роль в оспариваемых событиях, суды были обязаны использовать все возможности для проверки соответствующих инкриминирующих показаний (пункт 102 постановления от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против Российской Федерации»).

Практика Европейского Суда по правам человека

По делу «**Белан и Свидерская против Российской Федерации**» (постановление Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2019 года) первый заявитель жаловалась, что в ходе административного производства в ее отношении не были соблюдены требования справедливости, включая равноправие сторон. Она ссыалась на пункт 1 и подпункт «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Заявитель жаловалась на то, что национальные суды не получили (i) записи с камер уличного наблюдения, которые могли запечатлеть события 15 сентября 2012 года, и (ii) фотографии, сделанные полицией в эту дату.

В ходе судебного разбирательства заявитель обвинялась в организации не согласованного массового мероприятия в нарушение Закона о собраниях. Ее линия защиты состояла в том, что до момента ее задержания

15 сентября 2012 года она проводила одиночный «пикет» и не участвовала ни в каком массовом мероприятии. Таким образом, для национальных судов было необходимым уточнить обстоятельства ее задержания, которые имели основное значение для определения обвинений по административному делу (пункт 59 постановления).

Европейский Суд отметил, что жалоба заявителя касалась предполагаемого неоказания ей помощи национальными судами при получении доказательств, которые подтверждали бы позицию защиты, а не сокрытия доказательств полицией. Вместе с тем, по мнению Суда, не имелось доказательств того, чтобы предположить, что полиция или иной государственный орган власти распорядились какими-либо видео- или фотоматериалами преждевременно или иным образом незаконно, в частности, с целью помешать раскрытию обстоятельств дела в рамках судопроизводства в отношении заявителя (пункт 60 постановления).

Европейский Суд обратил внимание, что, отказываясь принять в качестве доказательства видеозапись, переданную представителем заявителя, суд первой инстанции удовлетворил его ходатайство о предоставлении городским управлением полиции записи с уличных камер наблюдения. Хотя было неясно, почему полиция представила два противоречивых ответа, датированные 4 и 18 октября 2012 года, в отношении этой записи⁸, Суд подчеркнул, что отсутствие этого доказательства уравновешивалось подходом, принятым апелляционным судом в данном деле. Апелляционный суд не рассматривал видеозаписи, представленные представителем заявителя, на которых был изображен ряд лиц и заявитель, стоящая с плакатом. Он дал должную оценку этому доказательству и счел, что оно не опровергало выводы суда первой инстанции о том, что заявитель участвовала в массовом мероприятии. Заявитель не указала, могла ли запись с уличной камеры наблюдения содержать какую-либо информацию, отличающуюся от той, которая была на видеозаписи, представленной ее представителем, или могла каким-либо иным образом подкрепить ее позицию по делу (пункт 61 постановления).

Европейский Суд также отметил, что суд первой инстанции удовлетворил ходатайство представителя заявителя и отдал распоряжение, чтобы соответствующий орган власти предоставил фотографии, сделанные его должностными лицами 15 сентября 2012 года, однако это распоряжение не было исполнено. Действительно, было неясно, почему управление

⁸ 4 октября 2012 года заместитель городского управления полиции ответил, что записи с одной камеры «сохранены», и предложил судье предоставить носитель электронной информации, на который можно скопировать записи. Однако 18 октября 2012 года исполняющий обязанности начальника дежурной части городского управления полиции информировал судью о том, что записи с уличных видеокамер предоставить невозможно, поскольку они не были архивированы из-за сбоя в системе архивации, а также «поскольку городские камеры не работали».

полиции ответило, что в этот день на месте проведения публичного мероприятия не делалось никаких фотографий, с учетом свидетельских показаний офицера полиции А. Однако Суд не убедился в том, что эти фотографии могли быть важнейшим доказательством в ходе судебного разбирательства в отношении ее дела. Он отметил, что суд первой инстанции уже посмотрел видеозапись, предположительно сделанную полицией 15 сентября 2012 года, на которой была запечатлена стоящая с плакатом заявитель, затем читающая документ заявитель и З., держащий плакат над головой. Несмотря на тот факт, что суд объявил эту видеозапись неприемлемым доказательством, события, показанные на ней, были также описаны свидетелями О. и З. в их показаниях, данных в ходе судебного разбирательства и в слушаниях по апелляции. Заявителю была предоставлена возможность ее эффективного оспаривания. Европейский Суд не мог строить предположения о том, могли ли на фотографиях, о которых идет речь, быть изображены иные события, нежели те, которые были изображены на видеозаписях. Однако он не смог посчитать, что получение этих фотографий имело важнейшее значение для защиты заявителя. Заявитель не продемонстрировала, каким образом эти фотографии могли помочь ей доказать, что она проводила одиночное пикетирование, а не принимала участие в массовом мероприятии (пункт 62 постановления).

Суд пришел к выводу, что внутригосударственные суды исчерпали все разумные возможности для установления обстоятельств, лежащих в основе обвинения против заявителя, и предоставили ей разумную возможность на эффективную защиту в рамках судебного разбирательства в сентябре – ноябре 2012 года, а также в рамках апелляционного производства. Наконец, заявитель пользовалась помощью представителя, а также находилась не под стражей, и для ее доступа к материалам дела не чинилось никаких препятствий. Административное производство полностью соответствовало требованию справедливости. Отсюда следовало, что эта жалоба явилась явно необоснованной и была отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

4. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на личное участие в судебном разбирательстве

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека

См. *mutatis mutandis*⁹ подготовленное Верховным Судом Российской Федерации *Обобщение правовых позиций международных договорных органов по вопросам обеспечения права подсудимого (осужденного, оправданного) на личное и эффективное участие в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела*¹⁰

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

По делу **«Вячеслав Корчагин против Российской Федерации»** (постановление Европейского Суда по правам человека от 28 августа 2018 года) заявитель жаловался на неполучение им судебных извещений в ходе производства по делу об административном правонарушении, в результате чего разбирательство по делу осуществлялось в его отсутствие в нарушение принципа равенства сторон и не было состязательным. Он также утверждал, что был лишен возможности эффективно осуществлять свою защиту¹¹.

По мнению Суда, пункт 1 статьи 6 Конвенции не мог трактоваться как предоставляющий сторонам право получать документы из суда определенным образом, например, заказным письмом. Тем не менее Европейский Суд отметил, что в интересах отправления правосудия сторона должна быть извещена о судебном заседании таким образом, чтобы не только знать дату, время и место заседания, но и иметь достаточное время для подготовки своей позиции и явки в судебное заседание (пункт 65 постановления).

Европейский Суд счел необходимым сосредоточиться главным образом на рассмотрении вопроса о том, был ли заявитель надлежащим образом извещен о начале апелляционного производства, инициированного Управлением Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, с тем, чтобы предоставить ему

⁹ С соответствующими изменениями.

¹⁰ См.: официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы», подраздел «Международная практика» (за 2016 год):

URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26343/.

¹¹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 9 (207).

адекватную возможность защищать себя против предъявленного ему обвинения.

Что касается соответствующего законодательства Российской Федерации, Европейский Суд отметил, что в период, относившийся к обстоятельствам указанного дела, законодательство Российской Федерации предусматривало проведение устного судебного заседания в подобного рода делах, и суд первой инстанции счел, что его следует провести в деле заявителя. Более того, согласно законодательству Российской Федерации судебные извещения подлежали отправке по «месту жительства», которое в *настоящем* деле соответствовало адресу регистрации заявителя. Хотя в материалах дела, находящихся в распоряжении Европейского Суда, отсутствовали доказательства, такие как почтовые квитанции, уведомления о направлении заявителю судебного определения от 12 августа 2014 года¹², представляется, что заявитель в ходе разбирательства в судах Российской Федерации признал, что данное определение было направлено по его адресу регистрации, но вернулось в суд неврученным. Таким образом, отсутствуют какие-либо сомнения в том, что для извещения заявителя был использован правильный адрес (пункт 67 постановления).

Далее Европейский Суд отметил, что согласно части 1 статьи 123 АПК РФ¹³ лица считаются извещенными надлежащим образом, если арбитражный суд «располагает сведениями о получении адресатом» копии определения о принятии искового заявления или заявления к производству и о возбуждении производства по делу, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе (пункт 68 постановления). В части 4 статьи 123 АПК РФ перечислены несколько ситуаций, в которых адресат считается надлежащим образом извещенным судом. В частности, Европейский Суд принял во внимание, лица признаются извещенными надлежащим образом, если (i) несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта, направленной арбитражным судом в установленном порядке, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд, или (ii) копия судебного акта не была вручена в связи с отсутствием адресата по указанному адресу, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд с указанием источника данной информации.

В судах Российской Федерации и в Европейском Суде заявитель утверждал, что он не получал извещений относительно судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций и что эти суды

¹² 12 августа 2014 года арбитражный суд вынес определение о возбуждении производства по делу об административном правонарушении и рассмотрении дела в порядке упрощенной процедуры.

¹³ Здесь и далее – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

должны были проявлять больше добросовестности при информировании заявителя о данных производствах, например, путем направления корреспонденции по адресу его фактического проживания, по телефону или иным способом, который позволил бы им убедиться в том, что заявитель был извещен о дате судебного заседания или о датах судебных заседаний.

Суд подчеркнул, что вопрос об извещениях в отношении заседании суда апелляционной инстанции был рассмотрен судом кассационной инстанции в постановлении от 6 октября 2015 года. Суд кассационной инстанции счел, что процессуальные права заявителя не были нарушены, поскольку определение «о возбуждении производства» было направлено заявителю, но последний уклонился от получения судебного извещения. Со ссылкой на презумпцию добросовестности участников арбитражного процесса был сделан вывод – заявитель должен был знать о времени и месте заседания суда апелляционной инстанции и мог получать соответствующую информацию о ходе дела из доступных официальных источников. Следовательно, был сделан вывод о том, что (i) заявителю была предоставлена возможность ознакомиться с тем фактом, что в отношении него было возбуждено и (ii) что от самого заявителя зависело следить за ходом дела, включая стадию апелляционного рассмотрения (пункт 72 постановления).

Таким образом, по мнению Суда, несмотря на то, что суть жалобы, поданной заявителем в Европейский Суд, связана с рассмотрением его дела в суде апелляционной инстанции, уместно было учесть поведение сторон на более ранних стадиях производства, а именно во время начала судопроизводства в суде первой инстанции.

Европейский Суд подчеркнул: что касается конкретно стадии судебного рассмотрения дела заявителя, то сторонами не оспаривалось, что судебное извещение, связанное с определением от 12 августа 2014 года и содержащее его копию, было направлено по адресу регистрации заявителя в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Более того, следовало указать, что это извещение вернулось в суд без вручения заявителю. Заявитель упомянул, что извещение вернулось с отметкой о том, что он отсутствовал по данному адресу. Это могло означать – адресата не было, когда принесли письмо, или что адрес был неизвестен (например, в связи с отсутствием почтового ящика или по иной причине). Власти Российской Федерации указали, что судебное извещение было возвращено в суд, поскольку оно не было востребовано до окончания срока хранения. В отсутствие убедительных доказательств Европейский Суд не смог высказать какого-либо мнения по этому поводу (пункт 74 постановления). В любом случае, по мнению Суда, подобная неопределенность отсутствовала в отношении того факта, что после определения арбитражного суда от 10 октября 2014 года о переходе от упрощенной процедуры рассмотрения дела к обычной судебное заседание

было назначено на 11 ноября 2014 года. Судебное извещение было направлено по адресу регистрации заявителя, а затем вернулось в суд с отметкой о невручении в связи с тем, что «истек срок хранения».

Кроме того, Европейский Суд отметил, что до этого заявитель был извещен о проведении проверки в отношении его предпринимательской деятельности и, что более важно, он был уведомлен по телефону о дате и времени предполагаемого составления протокола об административном правонарушении. Однако он решил не присутствовать при составлении протокола. Хотя действительно в уведомлении от 2013 года упоминался фактический адрес проживания заявителя, из материалов дела не следовало, что данное уведомление было включено в какую-либо официальную базу данных, например, в реестр индивидуальных предпринимателей. Из материалов дела также не следовало, что это уведомление было приобщено к делу об административном правонарушении и заявитель официально просил направлять корреспонденцию по месту его фактического проживания. Таким образом, хотя неясно, когда и где заявитель получил копию протокола об административном правонарушении, упомянутые выше сведения указывают на то, что в начале августа 2014 года заявитель мог знать о том, что в отношении него проводилось разбирательство об административном правонарушении и данное дело будет рассмотрено арбитражным судом. Более того, при таких обстоятельствах у заявителя не было убедительных причин ожидать извещений по адресу, по которому он фактически проживал в то время (в частности, в отношении определения о возбуждении дела). Законодательство Российской Федерации устанавливает общее правило, согласно которому судебные извещения направляются по адресу места регистрации. Хотя данные доводы не предполагали, что заявитель фактически был уведомлен о решении передать дело на рассмотрение арбитражного суда, они указывали на то, что заявитель не проявил надлежащего усердия (пункт 76 постановления).

В связи с этим Европейский Суд резюмировал следующее – заявитель должен был понять, что после составления протокола об административном правонарушении его могли вызвать в арбитражный суд и соответствующее извещение будет отправлено по адресу его места регистрации, по которому, возможно, он не проживал, но продолжал быть зарегистрированным.

Европейский Суд установил, что власти Российской Федерации действовали в соответствии с законодательством Российской Федерации, направляя извещения по адресу места регистрации заявителя. Европейский Суд также констатировал – арбитражный суд позаботился об отправке извещения и по адресу осуществления заявителем предпринимательской деятельности (пункт 78 постановления). Сторонами также не оспаривалось, что информация о назначенных судебных заседаниях была вовремя и надлежащим образом размещена на интернет-сайте суда. По мнению Европейского Суда, тем самым суды Российской Федерации проявили

достаточную добросовестность, чтобы позволить заявителю, который должен был знать о соответствующих правилах об извещении предпринимателей, узнать о начатом в отношении него производстве, а именно о рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции.

Принимая во внимание вышеизложенные соображения в их совокупности, а также тот факт, что указанное дело касалось направления извещений о судебных заседаниях в соответствии с АПК РФ предпринимателю в отношении предполагаемого правонарушения, отнесенного законодательством к административным, Европейский Суд пришел к выводу, что при конкретных обстоятельствах *настоящего* дела обоснованно можно считать заявителя надлежащим образом извещенным о ходе процесса, хотя сторонами не оспаривалось, что судебные извещения фактически до него не доходили. Данный вывод подразумевал, что проведение заседания суда апелляционной инстанции в его отсутствие также было обоснованным (пункт 79 постановления).

Кроме того, Европейский Суд обратил внимание на то, что заявитель имел возможность пересмотреть свое дело в суде кассационной инстанции. Сторонами не оспаривалось в этой связи, что заявителю была предоставлена возможность подготовить свою защиту (например, посредством ознакомления с материалами дела или представления замечаний по поводу позиции истца) и присутствовать в заседании суда кассационной инстанции. Заявитель принял решение не присутствовать на нем, ограничившись представлением письменных замечаний по делу. Суд кассационной инстанции внимательно изучил доводы заявителя, касавшиеся в том числе направления ему извещений о рассмотрении дел в суде апелляционной инстанции. Европейский Суд также обратил во внимание на краткие формулировки жалобы заявителя, поданной в Европейский Суд, а именно – отсутствие указания на какие-либо трудности при реализации прав, предусмотренных пунктом 3 статьи 6 Конвенции например, в подпунктах «а», «b» или «d». В частности, из материалов дела не следовало, что заявитель безуспешно просил допросить свидетелей (пункт 80 постановления).

Оценивая в совокупности вышеизложенные доводы, Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 6 Конвенции.

5. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, защищать себя лично

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека

См. *mutatis mutandis*¹⁴ подготовленное Верховным Судом Российской Федерации *Обобщение правовых позиций международных договорных органов по вопросам обеспечения права обвиняемого на участие защитника (адвоката)*¹⁵

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

По делу «**Мучник и Мордовин против Российской Федерации**» (постановление Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2019 года) установлено нарушение пункта 3 статьи 6 Конвенции, взятого в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в отношении одного из заявителей ввиду непредоставления достаточного времени и возможностей для подготовки защиты при рассмотрении дела об административном правонарушении.

Суд отметил, что дела обоих заявителей были рассмотрены в рамках ускоренной процедуры в соответствии со статьей 29.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которая предусматривает, что дела, касающиеся административных правонарушений, наказуемых административным арестом, должны рассматриваться судом в день получения протокола об административном правонарушении. Тем не менее Суд повторил, что существование и использование ускоренных процедур в уголовных делах само по себе не противоречит статье 6 Конвенции при условии, что производство обеспечивает необходимые меры обеспечения и гарантии, содержащиеся в этой статье (пункт 36 постановления).

В деле первого заявителя¹⁶ Суд установил, что полиция составила протокол об административном правонарушении 27 февраля 2015 года. Заявитель, которая на тот момент не содержалась под стражей, не утверждала, что ей не была предоставлена возможность доступа к этому протоколу или другим документам ее административного дела на эту дату или в течение последующих дней. Она также не утверждала, например,

¹⁴ С соответствующими изменениями.

¹⁵ См.: официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы», подраздел «Международная практика» (за 2016 год):
URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26345.

¹⁶ В.С. Мучник.

что было невозможно делать копии материалов дела до того, как дело было направлено в суд первой инстанции, или то, что она не получила копию протокола об административном правонарушении. Также было отмечено – заявитель была уведомлена о подробностях запланированного слушания 3 марта 2015 года примерно за три часа до начала слушания. Тем не менее, поскольку ее ходатайство о том, чтобы отложить слушание, было отклонено, ей предоставили час на ознакомление с материалами дела. Не оспаривалось то, что ее адвокат, который пришел позднее, попросил только пятнадцать минут для ознакомления с материалами дела. Суд также подчеркнул, что заявитель, которой на слушании помогал адвокат, воспользовалась своим правом на подачу ходатайств (в частности, ходатайств о допросе свидетелей защиты, которые были удовлетворены судом). При таких обстоятельствах и с учетом масштаба ущерба для заявителя, Суд пришел к выводу, что первый заявитель не была чрезмерно ограничена в своих возможностях должным образом ознакомиться с обвинениями и доказательствами, свидетельствующими против нее, и дать им оценку, а также разработать эффективную правовую стратегию своей защиты (пункт 37 постановления).

Что касается второго заявителя¹⁷, то Суд обратил внимание, что период между составлением протокола об административном правонарушении и судебным рассмотрением его административного дела – период, в течение которого он мог бы быть наказан лишением свободы, – продолжался не более нескольких часов. Неясно сколько времени было предоставлено заявителю, который в то время не был лишен свободы, для анализа протокола об административном правонарушении или другого материала административного дела, включая письменные показания полицейских. Даже если допустить, что его дело было несложным, Суд резюмировал: второму заявителю не было предоставлено достаточно времени и возможности для подготовки своей защиты, особенно ввиду того факта, что ему не оказывалась правовая помощь в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции. В Суде власти не привели никаких доводов в пользу противоположного. В частности, не утверждалось, что апелляционное производство проводилось таким образом, чтобы устранить любые предполагаемые недостатки на предыдущей стадии судопроизводства (пункт 38 постановления).

Суд заключил, что не имело место нарушение пункта 3 статьи 6 Конвенции, взятого в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в отношении первого заявителя, но было нарушение этого положения в отношении второго заявителя.

По делу *«Цветкова и другие против Российской Федерации»* (постановление Европейского Суда по правам человека

¹⁷ М.В. Мордовин.

от 10 апреля 2018 года) один из заявителей жаловался на то, что ему не были предоставлены достаточные время и возможности для подготовки своей защиты, в частности, возможность нанять адвоката для судебного разбирательства¹⁸.

Суд обратил внимание на то, что, касаясь жалобы в соответствии с подпунктами «b» и «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, заявитель не жаловался на то, что ему не была предоставлена бесплатная юридическая помощь. Вместо этого он утверждал – 6 сентября 2015 года он *de facto* был помещен в такие условия, где не мог самостоятельно организовать свою защиту в суде, в частности, нанять адвоката. Европейский Суд отметил, что досудебное и судебное производства охватили период с 4 по 6 сентября 2015 года, в течение которого заявитель был лишен свободы. По делу не оспаривалось, что у заявителя был изъят мобильный телефон после его задержания. В то же время не утверждалось, что заявитель не знал или его не информировали о его праве в соответствии с частью 3 статьи 27.3 КоАП РФ просить, чтобы его семья или защитник были бы уведомлены о его местонахождении, что он сделал такое заявление или что в любой аналогичной просьбе было отказано. Власти Российской Федерации не оспаривали тот факт, что заявитель не имел доступа к мобильному телефону в ходе судебного разбирательства и не уточнили, мог ли он связаться с адвокатом по своему выбору с помощью других средств в течение короткого перерыва в судебном разбирательстве. Следовательно, по мнению Суд, не было продемонстрировано, что имелись важные и достаточные основания для воспрепятствования его выбору юридического представителя. В связи с этим целесообразно было приступить к оценке общей справедливости разбирательства по делу (пункт 172 постановления).

Европейский Суд принял к сведению/ следующее – по делу отсутствовали доказательства того, что после недолгого перерыва в судебном разбирательстве заявитель отказался от права на помощь адвоката. По делу не оспаривалось, что на суде заявитель признал свою вину. Хотя это ни в коей мере не являлось решающим фактором, было отмечено, что до оспариваемого разбирательства заявитель уже подвергался судебному преследованию за аналогичные действия в рамках той же процедуры. В этом конкретном случае и в отсутствие каких-либо утверждений об обратном Европейский Суд готов был предположить, что заявителю была известна возможность хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя. В контексте настоящего дела и вышеизложенных соображений это необязательно означало, что он располагал «достаточным временем и средствами» и мог надлежащим образом защитить себя с учетом выбранной линии защиты. Тем не менее важно, что заявитель не уточнил, и из имеющихся материалов не усматривалось, каким конкретным элементом его

¹⁸ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 7(205).

защиты было оказано воспрепятствование при обстоятельствах дела. В частности, отсутствуют свидетельства того, что он безуспешно ходатайствовал о заслушивании свидетелей или что он не мог представлять доказательства. По мнению Суда, следовало также отметить, что заявитель не принял решения о привлечении адвоката в апелляционном производстве и не подавал каких-либо ходатайств или просьб в суде второй инстанции. В своей жалобе заявитель просто упомянул о том, что у него были трудности с юридической помощью, поскольку ни одна адвокатская фирма не работала в воскресенье (пункт 173 постановления).

Европейский Суд заключил, что жалоба, касающаяся подпунктов «b» и «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, явилась явно необоснованной и была отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

6. Право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека

Следующие принципы относятся к вопросу об оспаривании доказательств стороны обвинения, включая «свидетельские показания»:

«(а) В подпункте (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] закреплен принцип, согласно которому до вынесения приговора все доказательства против обвиняемого должны быть предъявлены в его присутствии на открытом слушании для состязательных доводов. Исключения из этого принципа возможны, если они не нарушают права на защиту, которые требуют, чтобы ответчику была предоставлена адекватная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля и допросить его во время дачи показаний или на более поздней стадии судебного разбирательства... Более того, с учетом прецедентной практики Суда...:

- во-первых, должна иметься веская причина для неявки свидетеля;
- во-вторых, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях лица, которого заявитель не мог каким-либо образом допросить на этапе расследования либо в ходе судебного заседания, права защиты ограничены в большей степени, чем допустимо статьей 6 [Конвенции]. В случае, если обвинение основано полностью или в решающей степени на показаниях отсутствующего свидетеля, Суд должен подвергнуть такое разбирательство наиболее тщательному рассмотрению. В каждом случае вопрос состоит в том, имеются ли достаточные

уравновешивающие факторы, включая меры, обеспечивающие возможность проведения справедливой и верной оценки надежности таких доказательств. В таком случае обвинительный приговор основывался бы на таких доказательствах только в том случае, если они являлись бы достаточно надежными с учетом их важности для дела.

(b) Отсутствие уважительных причин для неявки свидетеля в суд само по себе не приводит к несправедливости суда, хотя остается очень важным фактором, который необходимо учитывать при оценке общей справедливости судебного разбирательства, и который может склонить чашу весов в пользу установления нарушения пункта 1 и подпункта (d) пункта 3 статьи 6. Учитывая, что основная задача заключается в том, чтобы выяснить, было ли судебное разбирательство в целом справедливым, Суд должен рассмотреть наличие достаточных уравновешивающих факторов не только в тех случаях, когда доказательства, представленные свидетелем, не явившимся на судебное заседание, были единственным или решающим основанием для вынесения приговора обвиняемому. Также это должно быть сделано в делах, в которых неясно, является ли рассматриваемое доказательство единственным или решающим, но тем не менее, Суд удовлетворен тем, что такое доказательство обладает значительным весом и его принятие может поставить сторону защиты в невыгодное положение. *Наличие уравновешивающих факторов, необходимых для рассмотрения судебного разбирательства в качестве справедливого, будет зависеть от весомости доказательств, представленных свидетелем, не явившимся на судебное заседание. Чем важнее такое доказательство, тем большей весомостью будет обладать уравновешивающий фактор для рассмотрения судебного разбирательства в целом в качестве справедливого...*

(c) Понятие «свидетель» толкуется автономно от его значения в национальном законодательстве Договаривающихся государств. Несмотря на то, что формулировка, приведенная в подпункте (d) пункта 3 статьи 6, относится к «свидетелям», а не к экспертам, гарантии, приведенные в пункте 3, являются неотъемлемыми аспектами права на справедливый суд, предусмотренного в пункте 1 статьи 6.

Таким образом, что касается оспаривания экспертных доказательств и связанного опроса экспертов, Суд заключил – *право лица, которому предъявлены обвинения в совершении уголовного преступления, на опрос экспертов защищено в соответствии с общим принципом, определенным в пункте 1 статьи 6 [Конвенции], и подлежит рассмотрению в соответствии с указанным параграфом, «с надлежащим учетом гарантий, предусмотренных в пункте 3»...* Заключение эксперта, назначенного компетентным судом для рассмотрения вопросов, поднятых в деле, должно иметь существенные последствия для оценки дела судом. Если суд принимает решение о том, что необходимо проведение экспертизы, то стороне защиты должна быть

предоставлена возможность задать вопросы экспертам с целью оспаривания их заключений и допроса экспертов непосредственно на суде» (пункт 90 постановления от 13 февраля 2018 года по делу «*Буткевич против Российской Федерации*»).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

По делу «*Атюков против Российской Федерации*» (постановление Европейского Суда по правам человека от 9 июля 2019 года) заявитель жаловался на несправедливость судебного разбирательства по делу об административном правонарушении. В частности, он утверждал, что не мог получить очную ставку со свидетелями, чьи показания имели решающее значение для признания его виновным.

Суд установил: «единственным свидетелем, дававшим показания против заявителя в суде, был полицейский Ил. Тот же самый полицейский составил протокол об административном правонарушении и возбудил дело против заявителя. И свидетельские показания Ил., и протокол о[б административном] правонарушении были именно теми доказательствами, на которые опирались судебные власти при определении уголовного обвинения против заявителя» (пункт 28 постановления).

Европейский Суд также отметил, что для проверки версии событий, изложенных полицейским, мировой судья М. всего лишь сослалась на письменные показания понятых – Кр., П. и Е., а также на письменные показания врача Д. Мировой судья явным образом отказалась вызвать этих свидетелей для дачи показаний в суде и попросила полицию допросить их и подготовить их письменные показания. При таких обстоятельствах Суд резюмировал, что у Кр., П., Е. и Д. не было уважительной причины для неявки в суд (пункт 29 постановления). Суд также согласился с тем, что показания, данные этими свидетелями, были решающими в деле заявителя (что не оспаривалось властями). Они обладали информацией из первых рук об основных фактах, лежащих в основе выдвинутых против заявителя обвинений в деле, где полиция играла активную роль в оспариваемых событиях.

Суд пришел к выводу, что «со стороны национальных судебных властей не было предпринято никаких усилий, чтобы использовать какие-либо уравнивающие меры для компенсации трудностей, испытанных заявителем в связи с приобщением к доказательствам письменных показаний свидетелей» (пункт 30 постановления). Таким образом, по мнению Суда, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

По делу «*Буткевич против Российской Федерации*» (постановление Европейского Суда по правам человека от 13 февраля 2018 года) заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции, так как ему не была предоставлена возможность справедливого судебного разбирательства в ходе разбирательств по делу об административном правонарушении.

Судом было отмечено, что по делу об административном правонарушении имело место устное слушание, в ходе которого заявителю была оказана помощь его адвокатом. Мировой судья заслушал позицию заявителя, который обратил внимание на свою невиновность, а также позицию его адвоката. Внутригосударственный суд также удовлетворил ходатайство стороны защиты и допросил свидетеля, который присутствовал в зале суда. Не были заслушаны свидетели стороны обвинения. Что касается судебного разбирательства по апелляции, которое было проведено вскоре после суда первой инстанции, то заявитель принял решение не принимать участие в слушании по апелляции, но был представлен в суде украинским консулом. Не оспаривался тот факт, что его замечания, представленные в апелляционный суд, были сформулированы с целью уменьшения административного наказания. Вышестоящий суд пересмотрел решения нижестоящих судов на основании материалов дела (пункт 93 постановления).

Суд отметил – заявитель был признан виновным, по существу, с отсылкой к протоколу об административном правонарушении и досудебным отчетам, составленным полицейскими, которые задержали заявителя. Что касается протокола об административном правонарушении, Суд далее подчеркнул, он также был составлен полицией, инициировавшей судебные разбирательства в отношении заявителя и передавшей дело в суд. Другие документы в материалах дела (такие как протоколы об административном доставлении и административном задержании), то по-видимому, не имели определенной доказательной ценности в отношении вопроса о вине ответчика (пункт 94 постановления).

Что касается полицейских, которые составили протокол об административном правонарушении, то не оспаривался тот факт, что сторона защиты подала безуспешное ходатайство об их допросе на суде. Заявитель объяснил, в национальных судах и в Суде, что их устные показания могли разъяснить обстоятельства составления протокола об административном правонарушении, в котором были определены основания для рассмотрения соответствующих обвинений. Нельзя сказать, что их показания в отношении определенного аспекта дела являлись бы решающими в отношении обвинений, выдвинутых против заявителя: он был подвергнут преследованию на основании протокола, который был фактически передан в суд для рассмотрения. Заявитель имел доступ к указанному протоколу и был в состоянии построить свою защиту на основании такового (пункт 95 постановления).

Основной аргумент заявителя относился к использованию досудебных рапортов, представленных двумя задержавшими его полицейскими, и к отсутствию возможности допросить их. В связи с этим власти указали, что указанные полицейские не были допрошены на суде, так как сторона защиты не ходатайствовала об их допросе. Не имелось доказательств, позволяющих подтвердить аргумент заявителя о том, что сторона защиты добивалась, хоть и безуспешно, допроса на суде полицейских, осуществивших задержание. Несмотря на то, что он не добивался допроса полицейских на апелляционном слушании, заявитель продолжал поднимать указанный вопрос в своей апелляции и затем и в заявлении о пересмотре. Дополнительно, настаивая на том, что соответствующие рапорты не являлись «свидетельскими показаниями» в соответствии с КоАП РФ (так как они не представляли собой показания, предоставленные компетентному должностному лицу и не были составлены под присягой), власти не пояснили, являлось ли вообще допустимым в соответствии с КоАП РФ заявлять о праве на допрос полицейских, осуществивших задержание, в ходе открытого заседания суда в связи с такими рапортами. Ввиду этого было подчеркнуто, что постановление Верховного Суда Российской Федерации от 2005 года¹⁹ предусматривало такую возможность в отношении должностных лиц, которые составляют протокол об административном правонарушении, но не включало упоминания о полицейских, осуществляющих задержание (пункт 97 постановления).

Суд принял во внимание замечание властей о том, что указанные полицейские не являлись ни свидетелями, ни потерпевшими в отношении соответствующего правонарушения в соответствии с КоАП РФ. Тем не менее в степени, связанной с понятием «свидетель» согласно подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, их следовало, по мнению Суда, рассматривать в качестве «свидетелей», а именно, в качестве «свидетелей против [ответчика]». Суд решил – не имеется существенной разницы между показаниями «свидетеля», взятыми следователем в рамках уголовного дела, к примеру, и отчетом, составленным полицейским для вышестоящего должностного лица (пункт 98 постановления).

Суд счел, что не имелось надлежащей причины для неявки в суд полицейских, которые задержали заявителя. Их показания против заявителя, как минимум, являлись решающими. Указанные полицейские находились у истоков судебных разбирательств в отношении заявителя и являлись сотрудниками органа власти, который инициировал такие разбирательства. Они являлись очевидцами предполагаемого участия заявителя в незаконном

¹⁹ Речь шла о постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

массовом мероприятии и его предполагаемого отказа от выполнения их законных распоряжений (пункт 99 постановления).

Суд не удовлетворился тем, что решение по делу заявителя было вынесено в результате справедливого слушания, так как он был основан на непроверенных доказательствах, представленных полицейскими, *которые* находились у истока судебных разбирательств и являлись сотрудниками органа власти, возбудившего дело. Уравновешивающих факторов (а именно, допрос К.²⁰ согласно ходатайству стороны защиты на суде) было недостаточно в контексте настоящего дела (пункт 101 постановления).

Суд ранее рассматривал жалобы против Российской Федерации связанные с административными разбирательствами в отношении лиц, которым были предъявлены обвинения в нарушении правил поведения в ходе массовых мероприятий или неподчинения приказам полиции разойтись. В ходе таких разбирательств суды принимали замечания полиции с легкостью и однозначностью, и отказывали заявителям в возможности представления доказательств противоположного. Суд постановил – в споре об основных фактах, определяющих обвинения, в случае, когда единственными свидетелями стороны обвинения являлись полицейские, которые играли активную роль в оспариваемых событиях, суды были обязаны использовать все возможности для проверки соответствующих инкриминирующих показаний. Суд заключил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении права заявителя на справедливое разбирательство (пункты 102–103 постановления).

См. также *mutatis mutandis*²¹ подготовленное Верховным Судом Российской Федерации *Обобщение правовых позиций международных договорных органов по вопросам обеспечения права обвиняемого на защиту при оценке доказательств по уголовному делу*²²

²⁰ Подруга заявителя.

²¹ С соответствующими изменениями.

²² См. официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы», подраздел «Международная практика» (за 2016 год):

URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26347/.